

УДК 6163.32.45.89

*И.И. Кутько, В.А. Терёшин, Н.А. Пересадин.***А.П. ЧЕХОВ И М.А. БУЛГАКОВ. МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И
ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИПОСТАСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЗНАМЕНИТЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ – ВРАЧЕЙ**Харьковский институт неврологии, психиатрии и наркологии НАМН Украины, ГУ «Луганский
государственный медицинский университет»

Ключевые слова: А.П. Чехов, М.А. Булгаков, писатели, медицина

*«Художественный тип мышления очень важен для
врача-именно так, из частных, формируется целос-
тное представление о человеке. Медицина, бесспорно,
развивает такие способности, и не случайно эта про-
фессия столь мощно питает русло словесности»***Ю.Г. Виленский «Доктор Булгаков»***«Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками
имели серьёзное влияние на мою литературную деятель-
ность, они значительно раздвинули область моих наблю-
дений, обогатили меня знаниями, истинную цену кото-
рых для меня как для писателя может понять только
тот ,кто сам врач...»***А.П. Чехов из автобиографии 1899г.**

Благодаря насыщенным интересной фактогра-
фией поучительным публикациям, принадле-
жащим талантливому перу доктора И.Е Лихтен-
штейн, мы имели возможность соприкоснуться
с «глубинным родством профессий врача и пи-
сателя», традиция соединения которых нашла
воплощение в величественной фигуре антично-
го Бога Аполлона- врачевателя, защитника от зла
и болезней, водителя судьбы, музыканта и вдох-
новенного сказителя.

Сыном Аполлона, как известно, был воспи-
танник мудрого кентавра Херона, знаменитый
целитель Асклепий, именем которого на протя-
жении многих веков клялись медики, давая тор-
жественное профессиональное обещание [9].

Мы приносим искреннюю благодарность
Исанне Ефремовне Лухтенштейн за её неорди-
нарное пристальное внимание к теме, посвящён-
ной писателям-врачам и знаменитым пациентам
-теме поистине неисчерпаемой...

Читатели наверняка знают немало крупных
деятелей литературы и искусства, имевших ба-
зовое медицинское образование и оставивших
неизгладимый след в истории мировой культу-
ры. Давайте и мы назовём навскидку Франсуа
Рабле и Фридриха Шиллера, Викентия Вереса-

ева и Абе Кобо, Николая Амосова и Станислава
Лема, Василия Аксёнова и Луи Буссенара, Ар-
чибальда Кронина и Артура Конан Дойла, Яну-
ша Корчака и Карло Леви...

К медицинскому поприщу имели отношение
Владислав Венчура, Фридрих Вольф и даже «
короли» детективного жанра Агата Кристи и
Жорж Сименон. Напрямую касалась профессия
врача и героев нашего материала.

Давайте поразмыслим о том, что именно при-
вносит литератор с медицинским дипломом в по-
вестование о предмете, о котором он судит не
по дилетантски, что такое позволяет считать его
«человековедческие» произведения (их лучшие
образцы) поистине «вещами на все времена»?
Наверное, обнажённая бескомпромиссная чест-
ность, скрупулёзно-точное изображение психо-
логических деталей «мелькающего бытия» и
«уходящей природы», отсутствие нарочитой пред-
взятости и «бумажных» страстей, а также трез-
вая и верная оценка разнообразнейших житей-
ских ситуаций и коллизий, связанных с болью и
смертью, выздоровлением и исцелением.

Зачастую в основу сложных писательских
судеб ложатся богатейшие профессиональные
впечатления, неповторимые драмы и трагедии

человеческого бытия, как пациентов, так и житейские перипетии самих литераторов в белых халатах...

Со времён Цезаре Ломброзо с его нашумевшей книгой «Гений и помешательство» отношение к выдающимся личностям, оставившим превосходные труды, нередко опередившие своё время, сложилось мягко говоря, не слишком доброжелательное... Публика зачастую любит «копание в грязном белье» знаменитостей, выставление напоказ их человеческих слабостей и пороков, недостатков и странностей, смакуя пикантные подробности, чудачества и патологические пристрастия великих... [13].

В 20-30-х годах XX века доктор медицины Григорий Сегалин издавал «Клинический архив гениальности и одарённости (эвропатологии)», каждый номер которого был посвящён детальной проработке вопросов нездоровья гениально одарённых людей, так или иначе связанных с психопатологическими отклонениями в их генетике и поведении. Заведующий психотехнической лабораторией и преподаватель Уральского университета Г.В. Сегалин предложил для дисциплины о психопатологии гениальности оригинальный термин «эвропатология», объединив для этой цели знаменитое архимедовское восклицание: «Эврика!» (Я нашёл) и слово «патология» (наука о страдании)...

Ещё в 20-е годы бойкий психиатр с Урала Сегалин носился с идеей открыть в белокаменной Международной институт по исследованию всех аспектов. Творчества мировых знаменитостей, однако в столице большевистской России эту идею тогда не посчитали своевременной. В первом номере «Клинического архива», изданном в 1925 году, была опубликована развернутая редакционная статья, освещавшая программные задачи европатологии. Сегалину, кропотливо и усердно изучившему сотни биографических данных о самых выдающихся деятелях мирового плана, «посчастливилось» открыть удивительную закономерность, на базе которой он сформулировал биогенетический закон гениальности. Согласно закону, гений появляется на свет только вследствие пересечения двух родовых линий, «... по одной из которых им наследуется психопатология..., а по другой - одаренность».

Родовую линию, по которой в течении жизни многих поколений накапливалась талантливость и даровитость, Сегалин назвал кумулятивной, а другую, изнутри «взрывающую» потенциальную одаренность – диссоциативной. «По полоч-

кам» расположив Гоголя, Чернышевского, Шумана, Грибоедова, Гофмана, Монтескье, Достоевского и иных выдающихся личностей вплоть до Александра Македонского и Иисуса Христа, доктор Сегалин и его коллеги - европатологи опубликовали в течение пяти лет в 20 номерах «Клинического архива» немало теоретических статей и патографических этюдов. Напомним, что патографией принято называть жанр, объединяющий описание истории болезни с очерком творчества того или иного «замечательного человека». В критической статье «Гениальность как помешательство. Что мерещится врачам в «теоретическом тумане»» [7]. Современный литературовед и прозаик А.П. Краснящих камня на камне не оставляет от европатологии и её апологетов.

Авторов предлагаемой вашему вниманию статьи гораздо больше занимает иной подход к ярким незаурядным людям, который предложил в своё время видный американец с российскими корнями, крупнейший исследователь и философ науки Абрахам Маслоу (1908 - 1970) – один из столпов столь востребованной ныне гуманистической психологии. Все труды этого оригинального ученого пронизаны его убежденной мыслью о том, что человеческую личность можно в полной мере понять, только учитывая её высшие устремления. Человеческие существа (по Маслоу) представляют собой не коллекцию неврозоз, а истинное богатство потенциальных возможностей. Ещё в 1928 году в своей дипломной работе по философии Маслоу подчеркивал: «Почему бы не приписать [чудо мистического переживания] самому человеку? Вместо того, чтобы из факта мистического переживания делать вывод о пресущей человеку беспомощности и малости... нельзя ли разработать концепцию о величии человеческого рода?» [], а в книге «Высшие достижения человеческой природы» А. Маслоу писал так: «Люди могут быть удивительно прекрасными, и это свойственно их человеческой и биологической природе». Крупнейший американский психолог и философ, «безудержный оптимист» Абрахам Маслоу знал секрет счастья: «Чтобы достичь наивысшего удовлетворения, - говорил он, - человек должен жить в соответствии со своей природой и полностью использовать заложенный в него потенциал». По его мнению таких людей в мире всего 1%.

Однако давайте вернемся к писателям - врачам А.П. Чехову и М.А. Булгакову и их произведениям, на которых училось, учиться и будет учиться ещё немало поколений врачей...

Молодежи уместно напомнить, что имя Михаила Булгакова приобрело мировую известность среди интеллектуальной публики и широчайших читательских масс сравнительно недавно – лишь в середине 60 – х годов XX века, когда после периода длительного забвения спустя 20 с лишком лет после ухода из жизни писателя в «толстом» журнале «Москва» был напечатан его роман «Мастер и Маргарита» (в сокращённом и подвергнутом произвольной редакции виде). Сегодня в XXI веке булгаковские пьесы, романы, повести и рассказы необычайно востребованы. Есть балетные произведения, огромное число киноэкранизаций; авторам статьи удалось увидеть в Москве спектакль в театре им. А.С. Пушкина «Луна в форточке» по ранним рассказам Булгакова, а в конце октября 2010 г. на сцене национальной филармонии Украины в Киеве впервые прозвучала написанная ещё в 1972 году опера Валентина Бибика «Бег» по знаменитой пьесе Михаила Булгакова. Первая редакция этой оперы была показана композитором в Ленинградском Малом оперном театре и безоговорочно принята к постановке. И также безоговорочно нашлись вскоре причины для отказа. В 1984 году была написана вторая редакция оперы. Однако видя тщетность попыток постановки, Валентин Бибик смирился с тем, что написал сочинение «в стол», как это было и со многими произведениями самого Булгакова. «Бег», любимую пьесу Михаила Афанасьевича, при его жизни на сцену не пустили. Только в 1956 году она была поставлена в театре, а затем спустя ещё 15 лет появилась знаменитая киноверсия режиссёров Алова и Наумова. Персонажи фильма благодаря блистательным актёрским работам Владислава Дворжецкого, Михаила Ульянова, Евгения Евстигнеева, Алексея Баталова, Людмилы Савельевой стали нарицательными фигурами белой эмиграции. Постановщики оперы, как и сам Булгаков, рассматривали (как, впрочем, и режиссёры кинокартины) пьесу не как банальный бег из Крыма в Константинополь и дальше в Париж, а затем обратно в Россию, а как бег от себя, в котором, как известно, никуда не убежишь. Умеющим читать между строк многое объясняет эпиграф к «Бегу», который Булгаков взял в одном из стихотворений В.А. Жуковского: «Бессмертье “ тихий, светлый берег; наш путь – к нему стремленье. Покойся, кто свой кончил бег!»»

Обратим более пристальное внимание на главное произведение М.А. Булгакова – его талантливейшее полотно – «Мастер и Марга-

рита». Одна из завершающих глав (32-я) этого необычайно популярного романа носит название «Прощение и вечный приют». Начинается она со щемящих, полных глубокого проникновенного, врачебного, если хотите, понимания строк, посвященных всем страждущим.

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами: кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над землёй, неся этот непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его» [2].

В бессмертном романе писателя и врача Михаила Булгакова (множество раз переизданом и презентованном в виде кинокартин, спектаклей, телевизионных сериалов во многих странах) представлена, как хорошо известно тысячам его читателей, весьма пёстрая и, в равной мере, блистательная гамма, широчайший диапазон и спектр самых разных тем, разнообразных, зачастую контрастных, настроений и психо-эмоциональных состояний, когда юмор смешивается или плавно переходит в сатиру, где проникновенная любовная лирика сменяется фантаσμαгорией, а захватывающий экскурс в евангельскую историю естественно перетекает в документально-точные детали неустроенного московского быта во времена НЭПа [3]. Перечитывая не только «Мастера и Маргариту», но и «Театральный роман», в Булгакове – художнике можно легко обнаружить дар загадочный, мистический и даже провидчески – пророческий. Однако в обычной жизни это был светлый и остроумный человек, с неуёмной фантазией и радостным восприятием бытия, доктор, пользовавшийся необычной любовью и вниманием пациентов.

Родился Михаил Афанасьевич 15 мая 1891 года в Киеве в интеллигентной семье профессора Киевской духовной семинарии, а впоследствии академика Афанасия Ивановича Булгакова и преподавательницы женской гимназии Варвары Михайловны, носившей в девичестве фамилию Покровская.

Отец будущего писателя был человеком разностороннейших интересов и увлечений, например, круг его всегдашнего чтения выходил далеко за рамки курса истории религии, которую он преподавал в духовном учебном заведении. Замечательное знание иностранных языков опередило и потенциал домашнего воспитания старшего сына Михаила (кроме него в семье

было ещё два брата и четыре сестры). Миша с детства считал французский язык таким же для себя близким, понятным и естественным, как и русский. В те времена профессиональная карьера преподавателей духовных высших учебных заведений (семинарии, академии) считалась, как сказали бы сегодня, весьма престижной, однако для своих чад глава семьи вовсе не хотел подобного жизненного пути и стремился дать детям широкое светское образование [10].

В 1901г. Миша Булгаков поступил в Первую Александровскую гимназию (г. Киев), названную так в честь царя Александра I, некогда пожаловавшего ей особый статут. В этом учебном заведении будущий писатель и врач проучился восемь лет (Кстати, в те же годы в ней учился и писатель Константин Паустовский, оставивший свои замечательные воспоминания о Михаиле Афанасьевиче). Будучи весьма успешным гимназистом, юный Булгаков подавал, как тогда говорили, огромные надежды – писал отменные стихи, прекрасно рисовал, хорошо играл на рояле, сочинял озорные устные рассказы и с успехом сам их исполнял перед публикой (чаще всего перед одноклассниками). После окончания гимназии Михаил стал студентом медицинского факультета Императорского университета Святого Владимира в Киеве, где проучился 7 лет. Выбор Булгаковым медицинского факультета был во многом обусловлен крепкими семейными традициями. У матери писателя, которую он нежно любил и её образ с глубоким трепетом вывел на первых же страницах романа «Белая гвардия», в семье было шесть братьев и две сестры. И из шести братьев матери трое стали врачами [4, 5]. В семье отца писателя Афанасия Ивановича Булгакова один из его братьев также был врачом. После смерти Афанасия Ивановича мать во второй раз вышла замуж и её новый муж был тоже врачом. Племянница писателя М.А. Булгакова доктор филологических наук Е.А. Земская в сборнике материалов «Воспоминания о Михаиле Булгакове» писала: «... Я опровергаю здесь мнение, что Михаил Афанасьевич случайно выбрал эту профессию. Совсем не случайно. Это было как-то в воздухе нашей семьи – и Михаил выбрал свою профессию, свою медицину обдуманно и сознательно. И он любил свою медицину...» [4]

О материнском роде (роде Покровских) писатель Булгаков всегда вспоминал с искренними тёплыми чувствами. Особое влияние на личностное и профессиональное становление юного медика оказал родной брат матери Николай

Михайлович Покровский, бывший одним из ближайших помощников крупнейшего акушера-гинеколога того времени профессора В.Ф. Снегирёва. Основанный Снегирёвым Гинекологический институт на Девичьем поле в белокаменной, являлся образцовым учреждением этого типа. Здесь имелись одна из лучших в Москве операционных с передовыми технологическими приспособлениями и устройствами, замечательные просторные палаты с предметами ухода за пациентками, специальной мебелью и просторными широкими лоджиями, которые тогда были впервые в России применены в больничном строительстве. Специалисты-филологи высказывают вполне обоснованное мнение, что при описании в романе «Мастер и Маргарита» весьма уютной и современной психиатрической клиники, в которой Иван Бездомный знакомится с Мастером, писатель М.А. Булгаков явственно себе представлял и это гармоничное снегирёвское здание, с устройством которого он, как предполагается, был неплохо знаком [4, 7]. Вот почему всё это нашло детальное и яркое отражение на страницах его знаменитого романа.

Из научной школы профессора В.Ф. Снегирёва, гуманные традиции которой высоко ценил другой герой нашей статьи писатель-врач А.П. Чехов, вышел классический труд о маточных кровотечениях, ознаменовавший важный этап в тогдашней акушерской науке и практике. Проработавший в снегирёвской клинике около сорока лет, родственник писателя Булгакова Н.М. Покровский пользовался, как и его родной брат доктор Михаил Михайлович Покровский, уважением и авторитетом в московской врачебной среде. Очень близким человеком для Михаила Булгакова стал его отчим – доктор Иван Павлович Воскресенский, бывший ближайшим учеником знаменитого академика Феофила Гавриловича Яновского.

Хорошо известно, что врачом был и Николай Афанасьевич Булгаков (1898-1966) – любимый, младший брат писателя, который впоследствии стал видным микробиологом, создателем бактериологической службы в далёкой Мексике. Весной 1916 года Михаил Булгаков окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием и став госпитальным врачом-хирургом. Вслед за тем он был призван на военную службу. Но к осени того же года его в качестве земского врача откомандировали в Смоленскую губернию, село Никольское. О том, как складывалась его первоначальная врачебная практика, лучше всего рассказано самим Миха-

илом Афанасьевичем в цикле рассказов «Записки юного врача». Этот цикл печатался в 1925-1927 годах в журнале «Медицинский работник», то есть в издании сугубо специализированном. Вполне понятно, что основное их содержание – эпизоды каждодневной врачебной деятельности автора. При всём при этом «Записки» чрезвычайно эмоциональны и полны доброго юмора. Уже чувствуется стиль большого таланта. Но вернёмся к началу творческого старта писателя.

В автобиографии, написанной Булгаковым в 1925 году для справочника «Писатели», можно прочесть: «Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде, при свете свечи, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнёс рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 20-го года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далёкой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. ... В конце 21-го года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда» [3].

Если к самому знаменитому роману Булгакова «Мастер и Маргарита» подходить традиционно, оперируя такими привычными инструментами литературного анализа, как тема, идея, жанр, вполне возможно, что быстро запутаешься и заблудишься. Ни в какие обычные традиционные литературные схемы произведение никак не хочет укладываться.

Тема психиатрии, своеобразный «вихрь» тем психических состояний, психического здоровья и нездоровья проходит по роману как некая несбыточная мечта об уголке, где оскорблённому, а вернее даже, потрясённому есть чувству уголок. Именно такой уголок нашёлся в клинике профессора Стравинского, куда с диагнозом «шизофрения» попадали многие герои «Мастера и Маргариты». Как известно, после встречи с Воландом, не выдержав груза невероятных потрясений и приключений, участниками которых они становились, в клинику попали и поэт Иван Бездомный, и председатель жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице Никанор Иванович Босой, и конферансье театра Варьете Бенгальский, и фининспектор того же театра Римский, и даже целый коллектив городского зрелищного филиала, безостановочно и непроизвольно хором распеваящий песню про «славное море, священный Байкал».

Из всех героев, лечившихся в клинике профессора Стравинского, наиболее полно и детально описаны судьбы и характеры Мастера и поэта Ивана Бездомного (он же Иван Николаевич Понырёв). Этим двум очень разным и непохожим друг на друга людям волями судеб довелось встретиться и подружиться в клинике Стравинского. Если Мастер предстаёт на страницах романа энциклопедически образованной творческой личностью, знавшей пять языков, включая греческий и латинский, то Иван Бездомный, по его собственному признанию, был человеком глубоко невежественным, что, однако, не мешало ему (как и автору незабвенной «Гаврилиады» И.Ильфа и Е.Петрова) братья за любые темы, включая антирелигиозную поэму о Христе. Иван Бездомный был человеком с так называемой активно выраженной жизненной позицией, из той породы, девизом которой было «нам думать некогда, мы очень спешим». Такие люди привносят много беспокойства и немало вреда социуму, зачастую представляя из себя «кипучих лентяев» (термин тех же И. Ильфа и Е. Петрова). Такие лица по своей природе отнюдь не злы и не агрессивны, но, поскольку не привыкли думать, а уж тем более прогнозировать последствия своей чрезмерной активности, часто представляют своеобразную угрозу для окружающих.

Психозомоциональный шок, настоящее душевное потрясение, которые переживает на Патриарших прудах Иван Бездомный, когда на его глазах произошло предсказанное Воландом отрезание трамваем головы председателю одной из крупнейших московских литературных ассоциаций Михаилу Александровичу Берлиозу, «были истинным стрессом и испытанием на прочность психики поэта. Неудавшаяся погоня за весьма подозрительной компанией, сопровождавшей загадочного иностранца, вконец расстроила ещё совсем недавно абсолютно здоровую душевную организацию Ивана. И он в кальсонах и с бумажной иконкой (это вчерашний-то атеист!), прикрепленной к рваной толстовке, очутился в клинике Стравинского, где ему и был поставлен диагноз «двигательное и речевое возбуждение, бредовые интерпретации... шизофрения, надо полагать». (Ещё одно из сбывшихся предсказаний Воланда). Психиатрическая клиника Стравинского с первых же часов пребывания в ней по-хорошему вдохновила и даже потрясла Ивана, несмотря на его крайнее психоэмоциональное возбуждение чистотой и сияющей белизной её помещений, мягкой пружинистой кроватью, безшумно раздвигающейся сте-

ной, за которой располагалась белоснежная ванна с унитазом, видом превосходного соснового бора из окна, предупредительностью и обходительностью медицинского персонала. И уж совсем покорила его душу профессор Стравинский, который самым внимательным образом выслушал горячий эмоциональный рассказ Ивана и несколькими наводящими вопросами продемонстрировал неуместность и абсурдность его поведения, когда Ивану и самому стала совершенно ясна несуразность его действий и поступков. Бездомный, может быть, впервые в жизни серьёзно задумался и, прежде чем действовать, попытался впредь всегда заниматься мыслительной работой, т.е. размышлять и думать. Знакомство и тесное общение с Мастером привели его ещё к большей рефлексии и самокритичности. Потрясённому своими личностными открытиями пришлось признаться и себе, и Мастеру, что человек он действительно глубоко невежественный, что стихи у него никудышные и даже дать честное слово, что он их никогда больше не будет писать.

Таким образом, как это ни странно, именно в психиатрической клинике произошел у Ивана Бездомный коренной пересмотр жизненных воззрений и нравственных позиций, ещё недавно представлявшихся совершенно нормальными, а вместе с тем, как оказалось, довольно бессмысленными и бестолковыми. Необходимо было время, место и своеобразный душевный кризис “ толчок, чтобы увидеть себя в новом свете и остановиться, образумиться. И именно таким местом самопознания оказалась созданная воображением Булгакова клиника профессора Стравинского.

Иван Бездомный поступил в неё глубоко невежественным, косноязычным, хулиганствующим «стихоплёт», а выписался помудревшим, испытывающим подлинную жажду знаний Иваном Николаевичем, из которого впоследствии вышел получился уважаемый всеми университетский профессор истории. Страдания, которые выпали ему вследствие встречи с Воландом, “ это страдания очищения, или то, что древние греки называли катарсисом. В клинике Стравинского и после неё Иван Бездомный постепенно освобождается от присущего ему невежества и нелюбопытства. В нём появляется здоровый человеческий интерес к необыкновенному и неутолимая жадность к знаниям, не ограниченным никакой догматикой. Он становится внимательным учеником Мастера и получает в награду от автора романа вполне счастливую судьбу. (Не-

кая литературная параллель с Эдмондом Дантесом и аббатом Фариа “ героями знаменитого романа «Граф Монте Кристо» – Александра Дюма “ отца).

В конце булгаковского романа многие годы спустя после пребывания в клинике Стравинского седовласый почтенный профессор Иван Николаевич Понырёв, оказавшийся в своё время весьма восприимчивым учеником Мастера, окончательно избавляется от стереотипов мышления своей молодости. И по крайней мере раз в году, когда наступает майское полнолуние, в нём оживает всё то, что разбудил Мастер, душа его открывается навстречу вечному “ загадочному, непознанному, без чего жизнь человеческая бывает пустой, бесцветной и бессмысленной суевой суей. Ивану Николаевичу трудно даются такие пробуждения и «оживления». Профессор возвращается к себе домой с Патриарших прудов, с той скамеечки, где когда-то молодой поэт разговаривал с Воландом, совсем больной. Но у него есть своя Маргарита, умеющая купировать его мучительное беспокойство и беречь его сон. А во сне Иван Николаевич встречается с главными героями романа Мастера, мирно беседующими на лунной дорожке, и с самим Мастером, и с Маргаритой, и погружается в такой истинно поэтический мир, какого и знать не знал, когда писал свои нелепые богореческие стихи и поэмы.

«Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом» [2].

Ивану, в котором так или иначе продолжается то, осталось от Мастера на земле, отданы заключительные строки эпилога бессмертного романа. А основные события повествования венчают вечное уединение Мастера и Маргариты, покидающих Москву вместе и навсегда.

Если вернуться к начальным главам «Мастера и Маргариты», то вспомним, что сам Мастер попал в клинику Стравинского в результате тяжелейшего психоэмоционального стресса, пережитого им после многочисленных и яростных критических статей, после ожесточённой травли, которой он был подвергнут из-за своего литературного произведения о Понтии Пилате. Поток озлобленных статей не прекращался. Вначале Мастер смеялся, второй была стадия удивления и затем наступила фаза страха, причём

страха перед вещами, совершенно не относящимися к роману о Понтии Пилате. Например, страха темноты или страха перед каким-то спрутом с длинными щупальцами, который влезает в окно. Болезнь резко обострилась, и мастер попал в психиатрическую клинику Стравинского. Он, как и Иван Бездомный, в полной мере оценил покой, комфорт, доброжелательность медицинского и вспомогательного персонала, исследовательский и аналитический талант профессора «психиатра Стравинского».

В случае с этими двумя детально и ярко описанными персонажами мы видим, что причиной заболевания является стресс, то есть некий мощный психоэмоциональный негативный фактор, вызвавший потрясение молодого поэта и Мастера, с которым не справилась их психика. И главная задача при этом «создать спокойные и комфортные условия, где бы человек мог постепенно прийти в себя и с помощью мягкого медикаментозного и психотерапевтического лечения снять напряжение и восстановить душевное здоровье, а в чём-то, как в случае с Иваном Бездомным, даже изменить свои базисные личностные установки и ценности».

Богатое воображение писателя, а скорее собственная мечта измученного, затравленного, доведённого до нервного истощения человека, каким был в то время сам писатель Михаил Булгаков, нарисовала психиатрическую клинику, как некий светлый, желанный, спокойный уголок, ограждающий и защищающий человека от тех потрясений, которые несёт этот весьма несовершенный яростный мир. Но мечта о такой идеальной психиатрической клинике, видимо, так и осталась мечтой и вряд ли она реализована в действительности и в наше время.

Более реалистично и более мрачными красками изображает картину психиатрического лечения писатель и врач А.П. Чехов в своём знаменитом рассказе «Палата №6».

Стоящий на отшибе унылый больничный флигель с удушливым и гнилостным запахом, в котором содержатся пациенты с расстройствами психики, сторожит грубый, бесчувственный и тупой человек по имени Никита, который по поводу и без повода избивает больных. Кроме Никиты никто из больничного персонала во флигель не заглядывает. «Стены здесь вымазаны грязно-голубоватой краской, потолок закопчен как в курной избе «ясно, что здесь зимой дымят печи и бывает жарко. Окна изнутри обезображены железными решётками. Пол сер и занозист. Вонь стоит кислой капустой, фитильной

гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец» [11].

Таким образом, в отличие от булгаковской клиники профессора Стравинского, в чеховской палате №6 содержатся больные на положении зверья, лечение же никакое вообще не проводится, отношение к людям предельно грубое и насильственное. А между тем природа патологии, как это показано на примере главного героя Ивана Дмитриевича Громова, «мужчины лет тридцати трёх, из благородных», страдающего манией преследования, всё та же. Психика Громова не справилась с трудностями и испытаниями жизни: заболевание является результатом хронической стрессогенной ситуации. Проанализируем её.

Отец Ивана Дмитриевича был человек солидный, зажиточный, проживал на главной улице города в собственном доме и имел двух сыновей. Однако на благополучную и ни в чём не нуждающуюся семью богача ни с того ни с сего посыпались несчастья и беды. Вначале от скоротечной чахотки умер старший сын, студент четвёртого курса университета. Чуть позже за подлоги и растраты был осуждён отец, вскоре умерший в тюремной больнице. Дом и вся недвижимость были проданы с молотка и Иван Дмитриевич остался вдвоём с матерью без всяких средств. Полуголодная беспросветная жизнь, бередящая душу нескончаемая тревога о будущем, поиски заработка для пропитания, фанатичное чтение бестселлеров подорвали и без того некрепкое здоровье нашего героя. И как результат «мания преследования и всевозможные фобии. Так он оказался в палате №6. И вот этот-то пациент неожиданно становится постоянным и желанным собеседником доктора Андрея Ефимовича Рагина, который два десятка лет прослужил в местной больнице, разуверился в возможности изменить что-либо, а в связи с этим и разучившийся полноценно работать, основным занятием и развлечением которого, так же как и для Ивана Дмитриевича, стало запойное чтение книг. Доктор откровенно скучал в этом захолустном уездном городишке, нуждаясь в умном собеседнике, и не находил его, пока однажды случайно не разговорился с больным из палаты №6. Из беседы выяснилось, что у них много общего, оба очень любили читать, оба обостренно воспринимали агрессивную несправедливость и далёкую от совершенства окружающую действительность в своих личностных «скорлупках».

Однако, вероятно, отсутствие реальных дей-

ствий при ясном понимании несовершенства окружающего мира так же наказуемо, как и активное действие при полном безумии. И доктор, будучи в здравом рассудке, только за то, что проявил пристрастие беседовать с пациентом, сам попадает в качестве больного в палату №6. Весьма выразительно и образно описывает Чехов упекшего доктора Рагина в палату №6 врача Евгения Федоровича Хоботова, «хама, лицемера и карьериста», невежественного, бездушного и очень корыстного человека, подозревающего окружающих во всех смертных грехах, не прощающего и не понимающего любой непохожести. В случае с доктором Андреем Ефимовичем Рагиным, оказавшимся в роли пациента злощастной палаты, мы видим ещё одну причину, разрешающую «хоботовым» ставить любой психиатрический диагноз. Это то, что, по словам поэта, обозначается как «и лишь посредственность одна, понятна нам и не странна» и то, что в своё время позволяло в незапамятную пору «застоя» психиатрам выставлять диагноз «шизофрения» всем инакомыслящим...

Если обратиться к самому началу литературной деятельности А.П. Чехова, то нетрудно заметить, что Антон Павлович много внимания уделял «душевым болезням, которые могут проходить и могут излечиваться» / выражение проф. С.С. Корсакова – главы московской школы психиатров, XIX в.) [13].

В 1888 году Чехов дал согласие своему другу издателю А.С. Суворину отредактировать медицинский отдел «Русского календаря». В письме к Александру Сергеевичу Чехов подчеркивал: «Корректуру московской эскулапии для вашего календаря я возьму с удовольствием... Воспользуюсь случаем и вставлю «Дома умалишенных в России» – вопрос молодой и для врачей и земцев интересный» [9].

Психиатрия, судя по всему, чрезвычайно увлекала Чехова, в силу того, что из всех отраслей медицинского знания и клинических специальностей она наиболее приближала доктора к злободневным проблемам психологии и философии. Чехов многократно подчеркивал свой собственный пристальный интерес ко всему, касавшемуся душевной деятельности человеческой личности. В беседе с писателем И.И. Ясинским Антон Павлович заметил, что его крайне интересуют всякие уклоны так называемой души. «Если бы я не сделался писателем, - страстно заметил он, - то, вероятно, из меня вышел бы психиатр» [1].

Чехов тщательно изучал труды знаменитого

корифея психиатрии профессора С.С. Корсакова, был лично с ним знаком, тесно общался с одним из лучших учеников этого видного психиатра – с В.И. Яковенко (именем В.И. Яковенко названа Московская областная психиатрическая больница). На протяжении всей творческой жизнедеятельности великий писатель встречался и переписывался с известнейшими в ту пору специалистами в области психоневрологии – с Н.Н. Баженовым, В.В. Ольдерогге, Н.Н. Реформатским. Всё это оставило яркий след в творческих исканиях Антона Павловича. [6, 7].

В 90-е годы XIX века, когда Чеховым было уже написано и опубликовано большинство произведений, в которых затрагивалась психическая сфера его героев, много писали и говорили о проблеме вырождения человечества, о близости гениальности к сумасшествию; общество увлекалось идеями Ницше, Нордау и иных апологетов пессимистического взгляда на будущее.

Так, например, немецкий публицист М. Нордау утверждал, что увлечение интеллигенции литературным течением психопатологического характера (книгами, в которых воспевались всевозможные душевные отклонения, извращения, разврат, безрассудства, «слепые страсти» и т.д.) обусловлено могучей «доминантой века» - вырождением.

В беседе с таганрогским журналистом А.Б. Тараховским Чехов сказал: «Никакого вырождения нет. Это всё Макс Нордау выдумал. Неврастения же скоро исчезнет. Мы все страдаем этой болезнью. Она явилась от того, что мы попали в непривычную обстановку. Наши отцы землю пахали и кузнецами были, а мы в первом классе ездим и в 5-рублевых номерах останавливаемся». Одной из своих корреспонденток Чехов написал так: «Нашего нервного века» я не признаю, так как во все века человечество было нервно». [11].

Побывав на Сахалине, Антон Павлович ещё более убедился и утвердился во мнении, что «сила человеческого духа может победить в нем недостатки, даже полученные в наследственность» [11].

Герои многих произведений великого реалиста Чехова (легко вспомнить кроме «Палаты №6», рассказ «Черный монах», рассказ «Припадок», повесть «Дуэль» и др.) вызывают у читателей чувства и жалости, и сострадания, и гнева, поскольку гениальный писатель как никто другой умел пробуждать эти эмоциональные ощущения своей строго объективной, ясной и точной манерой письма, потому что очень хорошо понимал поведение человека, знал его раз-

личные психо-эмоциональные состояния, вникал в истинные причины, детерминирующие те или иные психические страдания людей.

В интереснейшей монографии Ю.Г. Виленского «Доктор Булгаков», посвященной влиянию медицины на творчество писателя и врача Михаила Афанасьевича Булгакова, в одной из наиболее солидных и представительных глав соотносятся судьбы и творчество трех известнейших писателей, имевших медицинское образование, - В.В. Вересаева, А.П. Чехова и М.А. Булгакова [4].

Михаил Афанасьевич очень любил Чехова, но не фанатичной любовью, а какой-то ласковой, как любят умного, старшего брата. Он особенно восторгался записными книжками Антона Павловича. Письма его знал наизусть. Однажды Михаил Афанасьевич спросил Л.Е. Белозерскую, какое из литературных произведений ей нравится больше всего. И услышав, что, по её мнению, это «Тамань» М.Ю. Лермонтова, заметил: «Вот и Антон Павлович так считает.» И тут же назвал письмо Чехова, где это сказано.

Истинное родство душ сближало М.А. Булгакова, и с В.В. Вересаевым, который сам лично был знаком с А.П. Чеховым и который на первых порах литературной деятельности Булгакова помогал ему даже материально, делая это в деликатной и трогательной форме. Вересаев писал Михаилу Афанасьевичу: «Поймите, я это делаю вовсе не лично для Вас, а желая сберечь хоть немного крупную художественную силу, которой Вы являетесь носителем» [4].

Глубокая духовная преемственная связь между тремя писателями-врачами, исповедующими единую философию медицинского рационализма, гуманизма и милосердия сегодня в XXI столетии как никогда актуальна для вступающих на путь профессионального служения людям молодых медиков.

Произведения писателей-врачей дают нам великие уроки тонкого психологизма и гуманной врачебной деонтологии, их книги учат чуткому и внимательному отношению к пациентам, направляют врачебное мышление детально исследовать ведущие механизмы психологического и стрессогенного характера, а исходя из этого разрабатывать и полноценные программы эффективной терапии, предполагающие помимо всего прочего гуманные формы содержания пациентов и деонтологичного отношения к «боль терпящим».

Наука любви к человеку. Постскрипtum.

Как известно, система естественно-научных взглядов и интуитивно-провидческих знаний о

природе человека М. Булгакова, столь ярко заявившая себя еще в студенческие годы будущего «лекаря с отличием», глубокая погруженность мужающего Мастера в мир медицины, медицинской этики и психологии подверглась жёсткому экзамену в лазаретах и госпиталях, лечебных учреждениях Красного Креста на протяжении Первой мировой и гражданской войн, в земских амбулаториях и сельских больницах, когда молодой врач и начинающий литератор лицом к лицу столкнулся с суровой действительностью гибели старого мира, с распадом некогда могущественной империи, с потерей социумом христианских нравственных ориентиров и элементарных критериев общечеловеческих ценностей. Проникновенно подчеркнул приобретенный Булгаковым опыт тех лет писатель и врач Юрий Щербак в последствии к книге Ю. Г. Виленского «Доктор Булгаков» : «Ненависть к любому насилию, неприятие любой политической доктрины, ведущей к «счастью» через горы трупов, - все эти качества были прочно закодированы в душе Булгакова, вынесшего из аудиторий медицинского факультета в Киеве может быть самую важную в мире науку : науку любви к человеку». В интереснейшей монографии «Гений в искусстве и науке» Н. В. Гончаренко, упоминая о множестве талантливых художников и ученых, высказавших уникальные идеи и создавших произведения, получившие славу гениальных, наряду с «Горем от ума» А. С. Грибоедова, некоторыми «вещами» композитора А. Глазунова, стихами Ф. И. Тютчева, парадоксами О. Уайльда, изобретениями братьев Райт (кино), А. С. Попова (радио), изобретениями Ларошфуко, называет и удивительные произведения Андрея Платонова и Михаила Булгакова. «Учения, - писал видный русский эстетик середины XIX века А. В. Дружинин, - можно найти такой божественный оборот речи, за которым сто лет пробился бы напрасно». Эти слова можно в полной мере отнести к творчеству героев нашей публикации. Исанне Ефремовне Лихтенштейн принадлежит замечательная мысль о том, что став профессиональным писателем, Булгаков оставался врачом по своему мироощущению и, главное, имел четкое представление о том, каким должен быть истинный врач. В не меньшей степени это наблюдение можно отнести к Чехову. В одной из своих многочисленных записных книжек А. П. Чехов писал: «Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно». И Чехов, и Булга-

ков действительно оставили после себя добрую память о сотнях и тысячах спасённых и исцелённых пациентов, а также неиссякаемый кла-

дезь волнующих книг, которые всегда будут призывать к правде и милосердию и к которым будут во все времена обращаться люди.

I.I. Kutko, V.O. Teryshin, M.O. Peresadin

А.П. ЧЕХОВ І М.А. БУЛГАКОВ. МЕДИКО-ПСИХОЛОГІЧНІ І ДЕОНТОЛОГІЧНІХ ПОСТАСІ ЖИТТЯ І ТВОРЧОСТІ ЗНАМЕНИТИХ ПИСЬМЕННИКІВ – ЛІКАРІВ

Інститут неврології, психіатрії та наркології АМН України, Луганський державний медичний університет

У статті описані основні віхи творчості і життя видатних письменників А.П. Чехова і М.А. Булгакова. (Журнал психіатрії та медичної психології. — 2013. — № 1 (32). — С. 100-109).

I.I. Kutko, V.A. Teryshin, N.A. Peresadin

A.P. CHEKHOV AND M.A. BULGAKOV. MEDICAL, PSYCHOLOGICAL AND DEONTOLOGICAL HYPOSTASES LIFE AND WORK OF THE FAMOUS WRITERS – DOCTORS

Institute of neurology, psychiatry and narcology of the AMS Ukraine, Lugansk state medical university

The paper describes the major milestones of life and creativity of outstanding writers, A.P. Chekhov and M.A. Bulgakov. (The Journal of Psychiatry and Medical Psychology. — 2013. — № 1 (32). — P. 100-109).

Литература

1. Бердников Г.П. Чехов / Г.П. Бердников: М.: Мол. гвардия, 1978. - 512 с. – (Жизнь замечат. людей. Серия биограф. Вып. 17 (549)).
2. Булгаков М.А. Избр. произв.: В 2 т. Т.2 / Сост. и коммент. Л.М. Яновской. – Киев: Дніпро, 1989. - 750 с.
3. Булгаков М.А. Пьесы. Романы/ Сост., вступ. ст. и примеч. В.М. Акимова. – М.: Правда, 1991. – 768с.
4. Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков с Ю.Г. Виленский. – Киев: Здоровья, 1991.- 256 с.
5. Виолле К. Малая космогония автобиографических произведений / Изв. А.Н. Серия литер-ры и языка, 2004. – т. 63. - №2. – С. 57-61.
6. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
7. Краснящих А.П. Гениальность как помешательство. – Газета 27 сентября 2012 г.
8. Лакшин В.Я. Булгаковиана / В.Я. Лакшин. – М.: АСТ, 2008. – 128 с.
9. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова / Е.Б. Меве. – Киев: Здоровья, 1989. - 280 с.
10. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.
11. Моруа А. Литературные портреты / А. Моруа. – М.: Правда, 1971.- 454 с.
12. Открой книгу и узнай судьбу по книге М. Булгакова «Мастер и Маргарита»/ Авт.-сост. Т.И. Ревяко. - Мн.: Современный литератор, 2005. – 672 с.
13. Паперный З.С. Записные книжки Чехова / З.С. Паперный. – М.: Сов. писатель, 1976. – 392 с.
14. 500 знаменитых людей планеты. – Харьков: Фолио, 2006. – 991с.
15. Смирнов В.Ф. Чехов и медицина / В кн. Десять лет.: М.: Рос. Об-во медиков-литераторов. – 2002. – С. 151-159.
16. Чехов А.П. Среди милых москвичей / А.П. Чехов. – М.: Правда, 1988. – 620 с.

Поступила в редакцию 14.02.2013